

Творчество Л.Ф. Зурова и русская религиозно- философская мысль XIX–XX вв.

Виктория Захарова*

Профессор, Нижегородский государственный педагогический
университет им. К. Минина,
Нижний Новгород, Россия.

(дата получения: июнь 2015 г.; дата принятия: август 2015 г.)

Краткое содержание

В статье рассматривается творчество Л.Ф. Зурова, представителя русской эмиграции первой волны, с точки зрения соотнесенности его творчества с идеями русской религиозно-философской мысли XIX–XX вв. В контексте идеи созерцания проза Л.Ф. Зурова исследуется в ракурсе трудов Вл. Соловьева, о. С. Булгакова, И. Ильина. С позиций включенности его творчества в художественное осмысление духовных традиций семейного воспитания как основы национальной жизни России – в ракурсе работ Н. Лосского, Н. Арсеньева. Объектом исследования являются повесть «Кадет» (1926), романы «Древний путь» (1934) и «Поле» (1936). Созерцательное начало прозы Л.Ф. Зурова способствовало постижению автором онтологической сути бытия, глубинных основ христианского мировосприятия. Выявление духовного потенциала семьи в деле воспитания личности свидетельствовало о том, что основы евангельского благочестия, бескорыстной помощи ближнему, деятельного милосердия, высокой требовательности к себе, какие закладывались в русском семейном кругу, – независимо от социальной принадлежности, – служили формированию духовно- нравственного богатства России. В лице Л.Ф. Зурова русская литература XX в. приобрела самобытного, талантливого православного писателя.

Ключевые слова: проза, Л.Ф. Зуров, религиозно-философские идеи, национальные духовные традиции.

* E-mail: victoriatz@rambler.ru; victoriazaharova95@gmail.com

**The works of L.F. Zurov and Russian
religious-philosophical thought of the nineteenth and twentieth centuries.**

Victoria Zakharova*

Professor, Nizhny Novgorod state pedagogical University. K. Minin,
Nizhny Novgorod, Russia.

(Received: June 2015; Accepted: August 2015)

Abstract

The article discusses the works of L.F. Zurov, representative of Russian emigration of the first wave, from the point of view of the relationship of his art with the ideas of the Russian religious-philosophical thought of the XIX-XX centuries. In the context of the idea of contemplation prose L.F. Zurov is investigated from the perspective of the works of Vl. Soloviev, S. Bulgakov, I. Ilyin. From the standpoint of inclusion of his work in the artistic comprehension of the spiritual traditions of family education as the basis of national life in Russia – from the perspective of the work N. Lossky, N. Arseniev. The object of research is the novel "Cadet" (1926), novels "the Ancient way" (1934) and "Field" (1936). The beginning of contemplative prose by L.F. Zurov contributed to the comprehension of the author of the ontological essence of being, the deep foundations of the Christian worldview. Identifying spiritual potential of the family in the upbringing of an individual testified that the foundations of Evangelical piety, unselfish help a neighbor, active mercy, high demands of himself which were laid in a Russian family, regardless of social affiliation, – have led to the formation of spiritual and moral riches of Russia. In the person of L.F. Zurov Russian literature of the twentieth century acquired an original, talented writer Orthodox.

Keywords: Prose, L.F. Zurov, Religious and Philosophical Ideas, National Spiritual Traditions.

* E-mail: victoriatz@rambler.ru; victoriazaharova95@gmail.com.

Введение

Леонид Федорович Зуров (1902-1971), ученик Ив. Бунина, представитель младшего поколения первой волны русской литературной эмиграции, стал талантливым православным писателем. Он был родом из дворянской семьи, детство и ранняя юность прошли на Псковщине. В эмиграцию попал в 1919 г., оказавшись в Эстонии после тяжелых ранений, полученных на фронтах Гражданской войны в составе Добровольческой армии. В начале жил в Прибалтике, затем учился истории в Карловом университете в Праге, мечтая посвятить себя изучению древнерусского искусства. Отсутствие средств помешало ему окончить образование. Пришлось зарабатывать себе на хлеб физическим трудом. Затем в Риге Л.Ф. Зуров устраивается ответственным секретарем детского православного журнала «Перезвоны», становится профессиональным писателем. В отклике на первую книгу Л.Ф. Зурова – автобиографическую повесть «Кадет» (1928) – еще не знакомый с ним И. Бунин признал, что это «подлинный, настоящий талант, – именно художественный, а не литературный только...» (Цит. по: Стрижев 1999. 6)

Целью настоящего исследования является стремление доказать глубокую соотнесенность художественного сознания писателя с идеями русской религиозной мысли XIX–XX вв.

Талант Л.Ф. Зурова формировался в эпоху Серебряного века, получившую название русского религиозного Ренессанса. Именно тогда, в преддверии грядущих трагических катаклизмов, многие представители русского искусства, ощущая кризисность своего времени, устремились к вечным христианским Истинам.

Значительное влияние на умы своих современников и последователей оказал Вл. Соловьев, который писал о высоком назначении искусства, которое, как он считал, должно стать предварением совершенной красоты преображенного Божественной гармонией грядущего мира. Как справедливо полагал философ, необходимо восстановление «той неразрывной связи,

которая некогда действительно существовала между искусством и религией» (Соловьев 1990. 134).

Одной из проникновенных идей русского религиозного сознания истари была идея созерцания. Именно она во многом способствовала интуитивному постижению сакральности бытия. В начале XX в. ее глубоко исследовал отец Сергей Булгаков в труде «Свет невечерний. Созерцания и умозрения» (1917). Философ считал, осмысляя отношения искусства и религии, что искусство «должно оставаться искусством, ибо, только будучи самим собой, является оно вестью горнего мира, обетованием Красоты» (Булгаков 1994. 334).

Задача преодоления отчуждения между искусством и религией, остро ощущавшаяся мыслителями рубежной эпохи, была в центре внимания и эмигрантской религиозно-философской мысли. И именно идея созерцания тоже оказалась в центре внимания многих ярких мыслителей эмиграции: Николая Бердяева, Ивана Ильина, Владимира Ильина. Полагаем, творчество целого ряда русских писателей XX столетия глубоко соотносимо с интуитивным постижением этой идеи, но до сих пор в этом плане недостаточно исследовано.

В предлагаемой работе мы намерены лишь обозначить наиболее характерные в этом плане черты художественного мировидения Л.Ф. Зурова, а также представить некоторые другие важные параллели его творчества и русской религиозной философии.

Основная часть

Н.А. Бердяев писал о духовной активности созерцания в творчестве, благодаря которым и происходит «прорыв к другому миру» (Бердяев 1991. 223). «Но самые моменты созерцания, – указывал он, – не знают борьбы, конфликта, мучительного противления и затруднения, эти состояния преодолеваются. Этим созерцание отличается от других форм активности духа» (Бердяев 1991. 223).

Л.Ф. Зурову, на наш взгляд, как раз и удалось в произведениях, посвященных трагедии социально-исторического разлома страны, дать картину мира, которая осмыслена в православно-христианских представлениях о жизни. Его проза носит лирико-философский характер. А.Н. Стрижевым было верно замечено, что это произведения, «напоенные светом и лиризмом, отмеченные благородными порывами и смирением, присущими православным людям» (Стрижев 1999. 4).

В произведениях Л.Ф. Зурова явственно ощутимо стремление и умение его героев интуитивно-вдумчиво постигать происходящее. Во многом в этом им «помогают» субстанциональные жизненные начала – природные, глубинно-исторические. Как это свойственно прозе неореализма, – а именно в ее русле творил вслед за И. Буниным Л.Ф. Зуров, – авторское присутствие в тексте проявляется во внефабульной сфере. Подобно бунинской прозе, в произведениях Л.Ф. Зурова природа занимает полноправное место как равнодействующий с другими образ, которому автором «передоверены» самые сокровенные его думы.

Обратимся к роману «Древний путь» (1934). Здесь восприятие трагических событий Первой мировой войны и революции даны через восприятие, в основном, двух героев: вольноопределяющегося Назимова, вернувшегося домой с фронта, и подростка-гимназиста Сережи Львова, сына погибшего на войне офицера. Полагаем, эти герои представляют разные грани, – вовсе не противоречивые, – alter ego автора. Тем более, что их же мы встречаем и в следующем романе Зурова – «Поле». Возможно, что через разные возрастные градации – отрока и рано возмужавшего молодого человека – писатель стремился более полно и многогранно выразить свое представление о происходящем.

Главную роль здесь играет образ Назимова, мечтавшего вернуться к мирной жизни и вынужденного бросить свое родовое гнездо, маленькую провинциальную усадьбу, вывозить оттуда мать и больного отца, опасаясь поджога усадьбы крестьянами. Углубленная лирическая созерцательность

всегда присуща любимым героям Л.Ф. Зурова. Так, Назимову принадлежат многие важные для понимания концепции романа лирико-философские размышления, – причем, именно постижение природных состояний помогает ему выйти на уровень духовного осмысления бытия.

И.А. Ильин оставил чрезвычайно глубокие размышления о «сердечном созерцании» как о творческом компоненте, которого не хватает и современному человеку, и современной культуре. Он писал: «Созерцат ь – почти то же самое, что «видеть» или «рассматривать», но созерцание означает *духовное* видение и рассмотрение, способное очистить наше чувственное зрение, символически углубить его, придать ему действительность.

Созерцат ь – почти то же самое, что и «наблюдать», но это такое наблюдение, которое *прозревает сущност ь вещей*» (Ильин 2007. 502) (Курсив автора).

Черты подобного необычного художественного сознания явно обнаруживаются в романе Зурова. Вот как даны воспоминания, подъезжавшего домой с фронта Назимова, о приездах из города, из гимназии на Рождественские каникулы: «Паровоз редко вздыхал. *Восходя* по-утреннему столбами, весело розовел его дым <...> У станции пахло деревней, по-зимнему было очаровательно тихо... Полозья, отрываясь от снега, визжали и легко шли по накатанной дороге. *Начиналось белое, чист ое, радост ное для глаз поле*» (Зуров 1985. 33). (Здесь и далее в цитатах курсив мой. - В.З.).

Очевидна онтологическая нагрузка текста. Визуальная картина ассоциированно вводит мотивы чистоты, радостного всеединства мира.

Однако трагическая ситуация гражданской войны, казалось бы, разрушила эти благотворные жизненные начала, с детства свойственные герою. Между тем, к концу романа эти мотивы «возвращаются», обогащенные новыми обертонами смысла, мощно окольцовывая повествование.

После пережитых страданий своего героя, перед грядущими новыми, автор вновь делает его созерцателем красоты мироздания, – на этот раз ночного зимнего сада в родной усадьбе. Именно этот эпизод, по нашему

мнению, выражает главные, проникновенные мысли автора, основы его жизненной философии: *«Небо было от крыто, и в его синеве по-зимнему дрожали деревенские звезды над яблонями, снегами и домом в необыкновенном сиянии и чистоте, звезды детства, кот орые, словно очистившись, теперь он снова благодарно обрел. Он видел все таким же чистым, согласованным, как в рождественские вечера в детстве».* (Зуров 1985. 123).

Обогащенность этого мотива рождественской чистоты и гармоничной согласованности мира заключается в усилении мысли о совершенстве изначального Божественного мироустройства и детски-доверчивом приятии его: *«И было отечески простерто над садом и домом какое-то рождественское и благословенное небо, какая-то древняя обитель всех дышащих душ»* (Зуров 1985. 124). Очень важен мотив возвращения к утраченному благодатному состоянию души, впускающей в себя вечную Божественную Истину, благодаря которой человек способен выстоять перед драматическим настоящим.

В контексте подобных размышлений отчетливо понимается роль образа подростка Сережи Львова. Созерцательно-проникновенное восприятие им картин окружающего оттеночно углубляют увиденное и осмысленное Назимовым. Вот, например, Сережа, тревожно наблюдая с крыши дома за тушением пожара от оружейных выстрелов в городе, замечает после того, как все утихло: *«Река холодна и бела. На крепостных шербатовых стенах щеткой стоят замерзшие травы, а среди стен, белым камнем – святой Никола. В его закругленной груди темнеют узкие щели окон. Белая шея несет тяжелобокую, в бледных при месяце звездах, главу. Молчат и стыннут колокола. Все спит <...> В церковных парках, в гнездах, по-древнему, не смыкая глаз, спят вороны. Звенит в полыньях теплая и сильная вода – и идет подо льдом, согревая каменистое дно, идет из моховых болот, глухими берегами, к Пскову, где на угесе Детинец охраняет Троицу о пяти куполах».* (Зуров 1985. 69). Одухотворенные антропоморфические образы храмов, реки, связующие

времена и пространства, позволяют писателю создать неповторимый эффект единства вневременных, вечных и прекрасных субстанциональных начал бытия, воплощающих надежное охранительное начало, внушающее веру и надежду.

В романе «Поле» (1938) образ Сережи Львова выходит на первый план, уже как бы закрывая собой мятущегося Назимова. Очевидно, именно способность подростка, почти еще ребенка, увидеть мир, несмотря ни на что, цельным и Божественно прекрасным, важна была автору.

На первой странице романа представлена в глубинно-созерцательном восприятии Сережи символическая картина: «Стояли вечера таинственного рождения, когда покрытые пушком хрущи выходили из теплой земли, прорезая ее, как острые травы, а потом раскрывали влажные крылья, и совершалось чудесное человеческих снов – *они лет ели, ст оя, как ангелы, вверх, на золот ист ую зарю над вершинами яблонь, на клены и распусти ившиея у реки т ополя*». И чуть ниже: «В этот вечер Сережа Львов долго стоял над рекой. *Было время, когда в особой чист от е ж ивет молодая лист ва*, воды ровны, тепло, мягки и округлы вершины заречного парка, к вечеру все меняет свои очертания, все становится легче, таинственнее и полнее» (Зуров 1983. 7).

Как это свойственно прозе Л.Ф. Зурова, визуальная картина мира имеет глубокий онтологический смысл. Сквозь нее прозреваются сущностные основы бытия. Для мальчика это, прежде всего, интуитивное чувство неслучайности таинственной преобразующей динамики природного мира. Подтекст, насыщенный ассоциативной символикой, позволяет обнаружить стремление писателя утвердить на первых страницах своего скорбного произведения представление о высшей гармонии природного мироустройства. Мотивы *чист от ы, т ишины, округлост и, уст ремленност и к озаренному небу* делают эту страничку интродукцией, заключающей в себе идеальные начала жизни, которые в вечности своей противостоят безжалостному разрушению в войнах и социальных катаклизмах.

Сергея Львов с тревогой и доверчивостью вглядывается в небо в самые трудные времена: «...в дали, которую он мысленно связывал с фронтом, стояло за перевалом одинокое дерево, наклонившись к путям, что всегда маячило там, в пустоте, на закате. И самое печальное было в том, что в вечном склонении над линией дерева не было никакой надежды. *Жила надежда лишь в западном небе, в бесплотной чистоте от которой светился закат, в котором жило что-то от возведения храма, предстояние, воздетых рук, где в склонении облаков жило старание*» (Зуров 1983. 118). Ближе к финалу дается сцена посещения Сергеем кладбища, после чего он размышляет: «Смерти не было. Была лишь оживающая вечно земля, согретая солнцем, в которой все исчезало, на которой, рождаясь, все снова жило, вечно обновляющемся божественном круге, поднимающем от морей облака» (Зуров 1983. 132).

И этот роман, как и предыдущий, проникнут идеей неизбывности страдания. Но, считал писатель, есть только одна надежда: вера в Божественное преображение жизни, в благую Божественную волю. Много значит для Л.Ф. Зурова и мотив благодарения Богу за счастье жить на этой земле, – что тоже дается через восприятие глубоко чувствующего живую красоту бытия гимназиста.

И.А. Ильин писал обобщенно о писателях (он называет их поэтами), тип сознания которых был созерцающим: «он приобщился сокровенному есть есть в мире и воспринял его священную самосуть <...> и постепенно слагается новое чувство, новая уверенность в том, что он прикоснулся к иному миру: «Нет, это не поэтический вымысел поэта. Это древне, как мир... и в то же время – ново и юно, как сегодняшний день... То, что я воспринял, было существенно, как хлеб жизни, и драгоценно, как откровение... Я коснулся правды мира и был счастлив»...» (Ильин 2007. 233-234). (Курсив автора).

Полагаем, сказанное в полной мере соотносится с сутью художественного сознания замечательного русского созерцательного поэта Л.Ф. Зурова. Причем, именно созерцательное начало придало эффект некоей вознесенности ее над конкретикой воспроизводимых событий, судеб.

Разумеется, контекстуальные связи творчества этого автора с русской религиозной философией были многомерными. Выделим еще одно начало — связь с традициями воспитания в российской православной семье.

Сегодня очевидно, сколь велик духовный потенциал философского наследия русской эмиграции. Среди огромного свода проблем, привлекавших внимание ее известных представителей, важное место занимали и вопросы, связанные с осмыслением значимости национальных духовных традиций в русской семье. Об этом писали о. Сергей Булгаков, Н.А. Бердяев, И.А. Ильин, В.В. Зеньковский. Мы остановимся на именах Н.С. Арсеньева и Н.О. Лосского, — выбор этих авторов обусловлен меньшей известностью и изученностью интересующих нас работ, особенно Н.С. Арсеньева.

Николай Сергеевич Арсеньев (1888—1977) принадлежал к старинному дворянскому роду. Семейное древо Арсеньевых уходило своими корнями в древнерусскую эпоху. Детство и юность будущего философа прошли в Москве и родовом имении деда в Тульской губернии в обстановке патриархальных дворянских традиций. После окончания Московского университета Н.С. Арсеньев обучался в немецких университетах, а, возвратившись в Россию, работал в Московском университете; после революции стал профессором Саратовского университета на кафедре сравнительной истории религии (деканом был С.Л. Франк). После закрытия кафедры в 1920 г. Н.С. Арсеньев эмигрировал.

Долгие годы связывали его с Кенигсбергским университетом, а после Второй мировой войны он преподавал во Франции и США. В Православной Свято-Владимирской Академии при Колумбийском университете ему довелось работать с такими известными религиозными философами русской эмиграции, как Г.П. Федотов, Н.О. Лосский, о. Г. Флоровский, о. А. Шмеман и др.

В своих трудах Н.С. Арсеньев указывал на огромную роль традиции, разрыв с которой чрезвычайно опасен для национального самосознания. Особенно важной в представлениях философа была традиция семьи.

Разумеется, воспитанному в лоне традиционной русской православной культуры Н.С. Арсеньеву семья воспринималась неотрывно от религиозных корней своего народа. Одну из глав в своем замечательном труде «Из русской православной традиции» Н.С. Арсеньев так и назвал: «Русская семейная культура и ее религиозные корни». Работа эта интересна во многом тем, что автор, не ограничиваясь богатым опытом собственной семьи во многих ее поколениях, приводит многочисленные примеры из воспоминаний различных людей, из русской литературы. Ссылаясь на множество литературных источников, Н.С. Арсеньев утверждал, что «значение матери, женщины в русской патриархальной, культурной семье решающе и основоположно. В русской культурной семье женщина — мать и жена — играет духовно более важную роль, чем мужчина, и не только в воспитании детей. Она — внутренний очаг семейной жизни <...> вместе с тем через нее, через ее молитвы, через ее участие в молитве детей, через ее пример, через ее наставление, поток религиозной энергии, струи иного — облагодатственного бытия <...> вливаются в ежедневные, самые будничные и обычные, жизненные ее проявления. Здесь мы касаемся самого глубокого, самого святого из творческих корней русской семейной культуры и русской культуры вообще. И этот образ русской матери и жены, центра семьи и семейного очарования и носителя религиозного принципа, не умер, не отжил. Он живет и ныне во многих русских матерях!» (Арсеньев 1953. 227)

О своей матери Арсеньев пишет так: "Моя мать стремилась к духовному благу, к духовному росту своих детей не меньше, чем к их физическому здоровью и преуспеянию... Она учила своим примером, как нужно давать там, где есть нужда... То же было и в области жизни религиозной: она была укоренена в этом, это не было учение словами; просто мы, дети, видели религиозную действительность, реальность Божию, силу Христову, проявляющуюся наглядно в жизни самого близкого нам человека. Это уже не уроки, а смиренное и подлинное свидетельство жизни – самое убедительное

или, вернее, единственно убедительное: действительная жизнь во Христе, постоянная направленность сердца к Господу Иисусу, но без всякой экзальтации, жизненно и просто» (Арсеньев 1974. 73-74). Философ писал свой труд с опорой на библейские источники, в частности, на послания святого апостола Павла. Апостол Павел писал, что именно от Господа нашего Иисуса Христа «именуется всякое отечество на небесах и на земле» (Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа 1996. 421).

В верующих семьях носители этого принципа «Отечества» — отец и мать, искали последней, решающей точки опоры для себя и детей в этом «Отечестве» небесном, к нему направляли взоры своих детей» (Арсеньев 1953. 230).

Труд Н.С. Арсеньева строился на знании благочестивых традиций русских семей различных сословий, — здесь дано множество прекрасных примеров древнерусского благочестия, запечатленного в фольклоре, памятниках древнерусской письменности. Много внимания уделено обычаям, царившим в благочестивых семьях русских царей.

Замечательный свод многочисленных источников сформирован Арсеньевым в главе, посвященной русским праведникам различных времен, вышедших из самых различных сословий. Но главное в том, что эти примеры служат подтверждению мысли философа о том, что прекрасные духовно-нравственные традиции были не исключением, касавшимся избранных личностей, и являлись неотъемлемой частью общенационального бытия России: «Сколько религиозно-укрепленных, нравственно крепких, просветленных, праведных и благостных, сияющих тихим светом любви, личностей, известных, а еще более неизвестных, которые составляют, может быть, *высшее украшение русской национальной жизни*, вышли из недр благочестивой русской семьи, теснейшим образом срослись с этим бытом и осыяти его...» (Арсеньев 1953. 222). (Курсив мой. — В.З.). Нельзя недооценивать такое представление о национальной аксиологии, которое философ внедрил в сознание своих современников, стремясь во что бы то ни

стало удерживать такие традиции русской жизни, когда быт освящался духовным бытием.

Н.О. Лосский (1870-1965) в своей замечательной книге «Характер русского народа» (1957) небольшой, но богато иллюстрированной ссылкой на произведения русской литературы с древнейших времен до современности, раздел посвятил русской женщине, – он так и называется «Русская женщина». Здесь, выстраивая убедительную типологию женских характеров в их необычайной многогранности, Н.О. Лосский заостряет внимание на чертах христианского милосердия, активного «действия» во имя ближнего, которое так было присуще русской женщине, независимо от ее положения в обществе.

В русской классической литературе Н.О. Лосский находит много ярких примеров самоотверженности и нравственной силы русских женщин. Своей убежденной нравственной позицией, воспринятой в православной традиции воспитания, они необычайно благотворно воздействовали не только на членов своей семьи, но и на окружающих. Особое внимание философ уделяет образу русской няни, художественно воплощенной во многих произведениях русской литературы и в воспоминаниях.

Когда Н.О. Лосский размышляет о русских женщинах, и, в частности, о русских нянюшках, он считает, что в их поведении «обнаруживается высокая *одаренность* русского народа, связанная с глубокой религиозностью и любовью к человеку, особенно к ребенку, ум и воображение, богатые содержанием, и скромное сознание собственного достоинства» (Лосский 1991. 295). (Курсив мой. – В.З.). Раздел о даровитости русского народа в книге Н.О. Лосского изобилует многообразным материалом, доказывающим постулаты автора. Стоит актуализировать и такую позицию во взглядах философа: «К числу особенно ценных свойств русского народа принадлежит *чуткое восприятие чужих душевных состояний*, – писал Н.О. Лосский. – Шубарт говорит: «Русский переживает мир, исходя не из «я» и не из «ты», а из «мы». Он приводит из книги графа Кейзерлинга «Дневник путешественника» его

замечание о русском народе: «Он один из всех европейцев обладает непосредст венным от ношением к душе своего ближ него» (Лосский 1991. 258). (Курсив мой. – В.З.). Вообще достоинством книги Н.О. Лосского является ее насыщенность отсылками к мнениям иностранцев, изучавших Россию (Шубарт, Бэринг, Грахам). Заканчивается этот раздел цитатой из Г. Грахама, который в книге «Неизвестная Россия» (1912) («Undiscovered») говорил, что русские женщины всегда «стоят пред Богом; благодаря им Россия сильна» (Лосский 1991. 296).

Полагаем, произведения Л.Ф. Зурова во многом иллюстрируют все эти положения известных философов. В его ранней повести «Кадет» (1926), романах «Древний путь», «Поле», анализ которых был представлен выше, неоконченной повести «Иван-да-марья», которую мы здесь не затрагиваем, – везде заметна важность женских образов, благодаря которым так много прекрасного было заложено в души людей. Это, конечно, прежде всего – образ матери. В повести «Кадет» юный Митя Соломин в годы революционного лихолетья не раз вспоминает свою мать, так много добра всегда творившая крестьянам и наивно верящая, что они не тронут их имение.

Трогательно милосердной показана в повести бывшая няня, которая давно уже жила в городе и, когда раненый Митя, сброшенный солдатами с поезда, появился у нее в доме, она не просто приняла его у себя, а предложила ему все свои сбережения. Митя от них отказался, но, засыпая, «...тихо улыбнулся. Словно солнечный луч промелькнул» (Зуров 1999. 216). Стоит добавить, что няня сказала Мите о своем решении передать эти деньги в церковь.

Благодаря воспитанной с детства религиозности Мите и его двоюродному брату Степе легче удалось пережить ужасы тюремных застенков: спасала молитва. А когда мальчиков неожиданно выпустили и радость переполнила их души («...казалось, что никогда в жизни так ярко не светило солнце и так хорошо не блестел под его лучами снег»), Митя не забывает сказать Степе: «Знаешь, Степа, что я вспомнил... когда меня из поезда выбросили, мне няня сказала: «Видно, за тебя мама молилась...» (Зуров 1999. 293).

Кульминационной сценой того внутреннего эпилога, каким нам представляется текст завершающих глав, является *предпасхальная исповедь и причастие* героев перед поступлением в армию и уходом на фронт гражданской войны. Звучит мотив *непреодолимой красоты православной традиции*, животворными соками питавшей многие поколения русских людей: «Мите были *памят ны с дет ст ва робкие огни чет верговых свеч, розовые от свет ы родимых предпасхальных песен*, и алоствольная верба с теплыми пушками, и чтение Евангелий, когда в перерывах вздыхал хор о славе и долготерпении и с колоколен падали редкие звоны». (Зуров 1999. 304).

В романе «Древний путь» (1934) эти начала тоже связаны, прежде всего, с образом матери. Выделяются образы двух женщин: матери Александра Назимова Дарьи Федоровны и матери убитого поручика, бабушки гимназиста Сережи Львова – Анастасии Михайловны. Обе они – живое воплощение христианского стоицизма, высокого смирения перед лицом страшной опасности. Дарья Федоровна, оставшаяся в усадьбе одна с больным мужем, переживает страшную ночь: вполне реально была возможность поджога усадьбы крестьянами. Даже когда было видно зарево соседней усадьбы, она не потеряла мужества, всю холодную февральскую ночь провела на краю сада, стоя под высокой елью, чтобы, если понадобится, успеть вывезти мужа на телеге.

Обходя накануне вечером со свечой дом, она вспоминает, как гимназистом сын Саша приезжал перед Пасхой. «К Светлой Заутрене она ездила с сыном. До церкви было восемь верст <...> Она передавала через сына *привезённые к запрест ольному крест у гиацинт ы и ст ановилась у любимой иконы Богородицы Умиления*. Божья Матерь держала на руках Сына. Он щекой прижимался к Ее щеке. Склонив голову, Она смотрела грустно и умиленно.

Саша, стройный и худой, стоял со строгим лицом» (Зуров 1985. 13).

Так акцентированно вводится в повествование библейская интонация. Соотнесённость человеческой судьбы с Вечными евангельскими образами переводит повествование с житейского на онтологический уровень.

Это отчетливо обозначено и далее: «Возвращались на рассвете. Словно омытое, большое, розовое солнце выходило из-за леса. Дорога шла по весёлым затопленным лугам и казалась короче. С большака были видны Засеки, дом, где она прожила жизнь и где родила сына» (Зуров 1985. 14).

В этой главе, одной из первых в романе, заложен ещё один важнейший мотив повествования – мотив «древнего пути». Дарья Федоровна вспоминает: «Начиналась какая-то преображённая, светлая служба, словно несшая все радости и счастье древности. Радостно пел хор о воскресшем Христе, священник кадил, кланялся, христосовался, и ему отвечала вся церковь» [Зуров 1985. 14]. Так, с первых страниц романа раскрывается одно из важнейших толкований символического названия романа: утверждение великого преображающего значения христианской веры, издревле присущей русской жизни, той пасхальной радости, которую она всегда несла с собой (о категории пасхальности русской литературы см. [Замечательна глава, в которой дан эпизод чтения Библии Анастасией Михайловной Львовой. Великолепен сам образ Библии: «Библия была древняя, в дубовом, обтянутом кожей переплете <...> От листов пахло воском и зрелой землёй <...> Меж страниц лежали лёгкие ландыши, розы, жасмины <...> Библия была в цветных закладках, бабкина, парчовая – серебряные травы по зелёному полю, и любимая материнская – голубая с бисерной вышивкой, и девичья тёмно-синяя лента из косы. Её Анастасия Михайловна положила в день свадьбы. Среди закладок была алая анненская лента сына, снятая ею с рукоятки его шашки» [Зуров 1985. 54]. Верно замечено А.В. Громовой на примере малой прозы Л.Ф. Зурова, что присущая писателю тенденция к лаконизму «увеличивает смысловую нагрузку на отдельные образы и детали, что, в свою очередь, ведёт к их символизации» (Громова 2007. 287)

Нельзя лучше, чем через образ Книги Книг, так проникновенно показать древний путь православной духовной традиции, питавшей поколения русских людей. Всего лишь деталь (закладка) помогает пластично обозначить естественность, органичность существования этой духовной подпитки.

Заключение

Итак, отметим, что, по мнению известных представителей русской религиозно-философской мысли, значение духовного потенциала семьи в деле воспитания личности трудно переоценить. Те живые творческие основы евангельского благочестия, доброты, самопожертвования, бескорыстной помощи ближнему, активного, деятельного милосердия, высокой требовательности к себе, какие закладывались в русском семейном кругу, – независимо от социальной принадлежности, – служили формированию духовно-нравственного богатства нации, народа, России.

В данной работе мы выделили доминантные, по нашему мнению, качества прозы Л.Ф. Зурова, созвучные ряду аксиологически важных положений русской религиозной философии XX в. Полновесное осмысление подобной проблематики – дело будущих исследований.

Литература

- Арсеньев Н.С. (1953). *Русская семейная культура и ее религиозные корни* // Православие в жизни. – Сб. ст. под ред. С. Верховского. Нью-Йорк. "Изд-во им. Чехова".
- Арсеньев Н.С. (1974). *Дары и вст речи ж изменного пут и*. Изд-во «Франкфурт-на-Майне».
- Бердяев Н.А. (1991). *Самопознание*. Москва. Изд-во «Книга».
- Булгаков С.Н. (1994). *Свет невечерний. Созерцания и умозрения*. Москва. Изд-во «Республика».
- Громова А.В. (2007). *Поэт ика малой прозы Л.Ф. Зурова: (Сборник «Марьянка»)* // Пушкинские чтения–2007. Санкт-Петербург. Изд-во «ЛГУ им. А.С. Пушкина».
- Зуров Л.Ф.(1985). *Древний пут ь: Роман*. Париж. Изд-во «Франкфурт-на Майне», С. 33. Далее ссылки на это издание.
- Зуров Л.Ф. (1939). *Поле: Роман*. Париж. Изд-во «Франкфурт-на-Майне». С. 7. Далее ссылки на это издание даются в тексте с указанием страницы.
- Ильин И.А. (2007). *Взгляд вдаль. Книга размышлений и упований* // И.А.Ильин. Огни жизни. Москва. Изд-во «Русская книга» – XXI век.
- Ильин И.А. (2007). *Поющее сердце. Книга т ихих созерцаний* // И.А. Ильин. Огни жизни. Москва. Изд-во «Русская книга» – XXI век.

Лосский Н.О. (1991). *Характер русского народа* // Н.О. Лосский. Условия абсолютного добра: Основы этики; Характер русского народа. Москва. Изд-во «Политиздат», С. 294. Далее ссылки на это издание в тексте.

Послание к ефесянам святого апостола Павла (3,15) // Новый завет господина нашего Иисуса Христа. (1996). Т. 2. Москва. Сретенский монастырь. Изд-во «Новая книга».

Соловьев В.С. (1990). *Общий смысл искусства* // Вл. Соловьев. Стихотворения. Эстетика. Литературная критика. Москва. Изд-во «Книга».

Цит. по: Стрижев А.Н. (1999). *Леонид Федорович Зуров. Биографический очерк* // Леонид Зуров. Обитель. Повести, рассказы, очерки, воспоминания. Москва. Изд-во «Паломник».

Bibliography

Arsen'ev N.S. (1953). Russkaja semejnjaja kul'tura i ee religioznye korni // Pravoslavie v zhizni. – Sb. st. pod red. S. Verhovskogo. N'ju-Jork. "Izd-vo im. Chehova".

Arsen'ev N.S. (1974). Dary i vstrechi zhiznennogo puti. Izd-vo «Frankfurt-na-Majne».

Berdjaev N.A. (1991). Samopoznanie. Moskva. Izd-vo «Kniga».

Bulgakov S.N. (1994). Svet nevechernij. Sozercanija i umozrenija. Moskva. Izd-vo «Respublika».

Gromova A.V. (2007). Pojetika maloj prozy L.F. Zurova: (Sbornik «Mar'janka») // Pushkinskie chtenija–2007. Sankt-Peterburg. Izd-vo «LGU im. A.S. Pushkina».

Zurov L.F.(1985). Drevnij put': Roman. Parizh. Izd-vo «Frankfurt-na Majne», S. 33. Dalee ssylki na jeto izdanie.

Zurov L.F. (1939). Pole: Roman. Parizh. Izd-vo «Frankfurt-na-Majne». S. 7. Dalee ssylki na jeto izdanie dajutsja v tekste s ukazaniem stranicy.

Il'in I.A. (2007). Vzgljad vdal'. Kniga razmyshlenij i upovanij // I.A. Il'in. Ogni zhizni. Moskva. Izd-vo «Russkaja kniga» – HHI vek.

Il'in I.A. (2007). Pojushhee serdce. Kniga tihih sozercanij // I.A. Il'in. Ogni zhizni. Moskva. Izd-vo «Russkaja kniga» – HHI vek.

Losskij N.O. (1991). Harakter russkogo naroda // N.O. Losskij. Uslovija absoljutnogo dobra: Osnovy jetiki; Harakter russkogo naroda. Moskva. Izd-vo «Politizdat», S. 294. Dalee ssylki na jeto izdanie v tekste.

Poslanie k efesjanam svjatogo apostola Pavla (3,15) // Novyj zavet gospoda nashego Iisusa Hrista. (1996). Т. 2. Moskva. Sretenskij monastyr'. Izd-vo «Novaja kniga».

Solov'ev V.S. (1990). Obshhij smysl iskusstva // Vl. Solov'ev. Stihotvorenija. Jestetika. Literaturnaja kritika. Moskva. Izd-vo «Kniga».

Цит. по: Strizhev A.N. (1999). *Leonid Fedorovich Zurov. Biograficheskij ocherk* // Leonid Zurov. Obitel'. Povesti, rasskazy, ocherki, vospominanija. Moskva. Izd-vo «Palomnik».

چکیده‌های فارسی

آثار ل. ف. زورف و تفکر مذهبی - فلسفی روسی در سده‌های نوزدهم و بیستم

ویکتوریا زاخارووا*

استاد دانشگاه تربیت معلم ک. مینین نیژنی نووگورود،

نیژنی نووگورود، روسیه.

(تاریخ دریافت: ژوئن 2015، تاریخ پذیرش: اوت 2015)

در مقاله حاضر، آثار ل. ف. زورف، نماینده موج اول نویسندگان مهاجر روس از منظر تطابق آن با ایده‌های تفکر مذهبی - فلسفی روسی در سده‌های نوزدهم و بیستم بررسی می‌شود. داستان «دانشجوی دانشکده افسری» و رمان‌های «راه باستانی» و «میدان» ماده تحقیق این پژوهش هستند. نثر زورف، از نقطه نظر ایده مکاشفه در پرتو تحقیقات ولادیمیر سالایوف، و. س. بولگاکوف، و آ. ایلین بررسی می‌شود. نثر او به لحاظ ارتباط با حوزه تجسم ادبی سنت‌های معنوی و مذهبی تربیت خانوادگی، به عنوان پایه‌های ملی زندگی روسی در کنار کاوش‌های ن. لوسکی و ن. آرسنیف جای می‌گیرد. سرمنشأ مکاشفه نثر زورف، به درک ماهیت هستی‌شناسانه جهان و عمیق‌ترین مفاهیم جهان‌بینی مسیحی کمک شایانی نمود. تعیین میزان قابلیت معنوی خانواده در کار تربیت و پرورش شخصیت گواه آن است که اصول تقوایی انجیل، کمک‌رسانی بدون چشمداشت به نزدیکان، خیرخواهی فعالانه، توقع و انتظار زیاد از خویش، که در نظام خانواده روسی صرف‌نظر از تعلقات طبقاتی، نهادینه شده، موجبات غنای معنوی و اخلاقی روسیه را فراهم آورده است. ل. ف. زورف نویسنده‌ای مستقل، منحصر به فرد، با استعداد و مذهبی در ادبیات سده بیستم روسیه به شمار می‌رود.

واژگان کلیدی: ایده‌های مذهبی - فلسفی، سنت‌های معنوی ملی، ل. ف. زورف، نثر.

* E-mail: victoriatz@rambler.ru; victoriazaharova95@gmail.com